

Внезапно Цзян Иньюй заметил, что плечи Ань Шэна задрожали, словно тот плакал. Рука, уже занесённая, чтобы похлопать его, замерла в воздухе.

...

Только когда староста начал собирать экзаменационные листы, Ань Шэн наконец поднял голову.

Следов слёз не было, ни малейшего намёка на печаль.

Оказывается, он дрожал от смеха.

Немного придя в себя, Ань Шэн открыл рюкзак, чтобы достать свой экзаменационный лист. Только вытащив его, он выругался:

— Чёрт подери, это же твой лист!

Он перепутал!

— Что? — Цзян Иньюй взглянул и невольно рассмеялся. — Ты идиот!

Когда староста подошёл собирать работы, Ань Шэн с грустным видом сказал:

— Знаешь, у меня дома есть дворняга... Я всё написал, но эта собака... порвала лист...

Староста немного помедлил, затем пообещал передать это учителю и ушёл.

Спустя некоторое время Цзян Иньюй с недоумением посмотрел на Ань Шэна:

— Ну ты даёшь, как ловко всё провернул!

Ань Шэн, привыкший к подобным ситуациям, хоть и не был примерным учеником, всегда находил оправдания.

— Да ты сам мастер! Неужели до сих пор не заметил, что у тебя что-то не так с ногами? — парировал он.

Что не так?

Что могло быть не так... Чёрт!

Услышав это, Цзян Иньюй наконец опустил взгляд на свои ноги и обнаружил, что всё ещё носит вчерашние шлёпанцы.

В этот момент в класс вошли проверяющие из Дисциплинарного отдела, чтобы проверить школьную форму.

Цзян Иньюй почувствовал, как его охватило раздражение.

Не только он не надел форму, но и пришёл в шлёпанцах. Это было верхом глупости.

Они приходили каждый день, как утренняя зарядка, без пропусков. Если кого-то ловили без формы, это касалось всего класса.

— Эй! Может, ты просунешь руку сюда, и мы наденем форму на одного? — Ань Шэн, бросив

взгляд на проверяющих, шепнул Цзян Инъюю.

Тот с раздражением посмотрел на него, будто на дурака:

— Ты думаешь, они идиоты?

Ань Шэн обернулся и, увидев, что проверяющие уже почти подошли, потянул Цзян Инъюю за руку.

— У меня есть идея...

— Не хватает одного, — проверяющий уже готовился записать данные, как вдруг заметил поднятую руку у задней двери.

— Этот ученик только что вышел в туалет, — сказал Ань Шэн.

Он не боялся, что проверяющие спустятся вниз, ведь он крепко держал голову Цзян Инъюю.

Как и ожидалось, проверяющие сочли объяснение разумным, ведь такие случаи бывали и в других классах, поэтому они кивнули и вышли.

К счастью, на этой неделе они сидели у задней двери, где на прошлой неделе сидел Чжао Вэнь, и проверяющие привыкли начинать подсчёт с внутренней стороны класса. Иначе сегодняшний план мог бы не сработать.

Ань Шэн похлопал Цзян Инъюю по голове, пытаясь поднять его, но тот никак не реагировал.

Цзян Инъюю был настолько ошарашен, что не мог думать. Ань Шэн так сильно надавил на него, что он чуть не уткнулся лицом в промежность.

— Эй! — Подняв его, Ань Шэн, видя его растерянность, не смог сдержать смеха. — Прости, времени было мало, другого варианта не придумал, но всё прошло гладко, правда?

— Кхм... — Цзян Инъюю кашлянул, отвернулся к доске и промолчал.

Ань Шэн подошел ближе, слегка успокоившись:

— Неужели испугался?

Тогда действительно было мало времени, он действовал быстро, и Цзян Инъюю, вероятно, даже не успел понять, что произошло.

Заметив, что парень выглядит не в себе, Ань Шэн тоже забеспокоился и начал оправдываться.

— Хватит болтать, — прервал его Цзян Инъюю. — Старый развратник.

Эти слова Ань Шэну не понравились:

— Эй! Постой, что ты имеешь в виду? С чего это я старый развратник?

Он же только что помог ему, а теперь его называют развратником?

Цзян Инъюю посмотрел на него:

— Если ты не развратник, то зачем ты так сильно прижал меня к своей промежности?

Услышав это, Ань Шэн опешил. Подумав, он понял, что поза действительно была неловкой.

— Ну... я просто не успел, — поправил он очки. — Я тебя не задел?

Чёрт, неудачная поза.

Задел?

— Ты думаешь, у тебя золотой жезл? — Цзян Иньюй хотел положить книгу на стол, но, засунув руку в рюкзак, обнаружил, что там ничего нет, и просто облокотился на спинку стула. — Чтобы он всегда стоял?

Вот тебе раз!

Я, блин, ещё боялся, что твоя железная голова раздавит мои яйца!

Ань Шэн промолчал. Этот парень явно не в себе.

Он хотел спросить, не задел ли его стол, когда он прижал его, но тот сразу перешёл на личности!

Это утро прошло не слишком удачно. Цзян Иньюй смотрел на незнакомый номер, который сейчас вибрировал. У него было предчувствие, что это кто-то из семьи.

— Пойдём или нет? — Ань Шэн, толкая велосипед, смотрел на него и, не выдержав, сам провёл пальцем по экрану, чтобы ответить на звонок.

Он знал, что Цзян Иньюй хочет ответить, иначе бы просто отклонил вызов или добавил номер в чёрный список раз и навсегда.

Цзян Иньюй взглянул на Ань Шэна, затем поднёс телефон к уху.

— Алло? Сяо Юй, — голос Не Лань дрожал. — Почему ты не отвечаешь? Ты даже не представляешь, как я волновалась! Ты становишься всё более эгоистичным...

— Что случилось? — Слушая её нравоучения, Цзян Иньюй нахмурился, чувствуя, как раздражение снова поднимается внутри.

Не Лань замолчала, её гнев тоже нарастал:

— Это как ты разговариваешь с матерью? А?

На парковке люди по двое-трое ехали на велосипедах, а они стояли у входа, время от времени пропуская других. Цзян Иньюй, сжав переносицу, подавил раздражение и сказал:

— Угу, прости.

— Вчера был Праздник середины осени, а ты даже не позвонил. Что случилось? — Не Лань стояла у окна, наблюдая за рабочими, подрезавшими ветки деревьев. — Ты так увлёкся, что забыл о доме? Ты вообще думаешь о нас?

Редко когда Не Лань так сильно злилась и повышала голос, но сейчас она была действительно рассержена.

Цзян Иньюй горько усмехнулся и, стараясь говорить спокойно, ответил:

— Вчера был занят, забыл позвонить. Прости.

Ань Шэн, стоя рядом, хмурился, наблюдая за этим парнем, который только и делал, что извинялся. Ему тоже становилось не по себе.

— Занят? — Не Лань усмехнулась. — Чем же ты был занят? Расскажи-ка.

Чем он мог быть занят?

Она же знала своего сына. Что он мог делать? В доме всё делали за него. Неужели он, побывав в деревне, научился стирать и готовить?

Цзян Иньюй вдруг не захотел ничего говорить. Он просто почувствовал, как сильно устал, и молчал, держа телефон у уха.

Через некоторое время Не Лань немного успокоилась:

— Денег хватает? Если нет, я переведу.

— Не надо, — ответил он.

— Как у тебя с бабушкой? У неё там не самые лучшие условия, но...

— Всё хорошо, — Цзян Иньюй смотрел на голубое небо. — Бабушка ко мне хорошо относится, мы ладим. Здесь мне всё нравится.

Не Лань вздохнула:

— Ладно. Твой отец... вчера не вернулся, больница была занята...

— Да, — перебил её Цзян Иньюй. — Я знаю. Это нормально, так каждый год.

— Сяо Юй, не говори так. Твой отец... — Не Лань хотела что-то объяснить, но не успела.

— С Праздником середины осени. Мне нужно идти есть, я голоден. Пока.

Закончив разговор, Цзян Иньюй почувствовал, как сердце сжалось от боли. Он стоял на месте, глубоко вдыхая, как вдруг мимо проехал скутер, и он едва не вдохнул выхлопные газы.

Этот разговор был недолгим, но достаточно длинным, чтобы успеть поесть. На парковке почти никого не осталось, было тихо.

— Чёрт!

Убрав телефон, Цзян Иньюй направился к школьным воротам.

Ань Шэн, толкая велосипед, подошёл к нему и спросил:

— Ты... пешком пойдёшь?